

Малькольм Спектор и Джон Китсьюз
Конструирование социальных проблем¹

В социологии нет адекватного определения социальных проблем, как нет и никогда не было социологии социальных проблем. Это замечание – отправной пункт данной работы. (...)

Центральным для нашей переформулировки социологии социальных проблем является различие того, что мы будем называть *объективным условием*, и определения этого условия как социальной проблемы. Мы будем говорить о том, что если первое в течение долгого времени составляло основу исследования широкого круга социальных феноменов, то последнее представляет собой предмет социологии социальных проблем – предмет, который почти полностью игнорировался и не исследовался. (...)

Наша цель заключается в конструировании определения, поддающегося эмпирической разработке, в которой центральное значение имел бы процесс определения, а не «объективные условия». (...)

Определения социальных проблем производятся теми, кто отстаивает свое понимание социальных условий и действует в соответствии с ним. Вместо того, чтобы абстрактно говорить об «обществе», мы предпочитаем определять те конкретные организации, группы или тех индивидов, которые занимают какие-либо позиции и предлагают конкретные определения социальных проблем. (...)

Один из способов приступить к исследованию определений социальных проблем заключается в рассмотрении словарей, которые используются для описания и классификации условия. Определения социальных проблем выражаются в терминах, которые описывают условие, отражают установки в отношении этого условия и дают другие многочисленные указания на то, каким образом это условие рассматривается как неприемлемое или проблематичное. Группы часто соперничают в борьбе за контроль над определением проблемы. Когда какая-либо группа побеждает, ее словарь может быть принят и институционализирован, тогда как понятия оппозиционных групп предаются забвению. Изменение терминологии, создание новых терминов или наполнение существующих терминов новым смыслом – сигнал того, что произошло нечто важное в отношении карьеры или истории социальной проблемы. (...)

Наша точка зрения является отчасти реакцией на функционалистскую теорию социальных проблем, а также расширением и развитием подхода ценностного конфликта... Наше изложение представляет собой попытку

¹ Перевод И.Г.Ясавеева по: Spector, M., Kitsuse, J.I. *Constructing Social Problems*, Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1987, pp.1-8, 73-79, 142.

объяснить этот тип аргументации и, в частности, то, какого рода формулировка предполагается утверждением, что «социальные проблемы – это то, что люди считают социальными проблемами».

Наша первая задача состоит в том, чтобы определить предмет социологии социальных проблем. В прошлом термин *социальная проблема* воспринимался как предмет исследования в рамках концепций социальной патологии, дезорганизации, девиантного поведения, ценностного конфликта и «наклеивания ярлыков»¹. Указание на социальную проблему как на индикатор социальной патологии, или наоборот, – это всего лишь применение двух терминов к одному и тому же предмету. Если проституция, например, классифицируется как социальная патология и считается также социальной проблемой, применение второго термина никоим образом не способствует нашему пониманию проституции. Существует ли особый предмет для исследования социальных проблем?

Представление о том, что социальные проблемы представляют собой вид *условия* (condition), должно быть заменено пониманием социальных проблем как вида *деятельности*. (...)

Мы считаем, что всякое определение социальных проблем, которое начинается словами: «социальные проблемы – это те условия...», ведет в концептуальный и методологический тупик, срывающий попытки построить специализированную область исследования. Вопрос, в таком случае, заключается в следующем: если социальные проблемы не могут быть условиями, тогда что такое социальная проблема? В наиболее кратком изложении социальная проблема – это деятельность тех, кто утверждает, что условие существует, и определяет его как проблему. (...)

Наше определение социальных проблем сосредоточивается на процессе, посредством которого члены общества определяют предполагаемое (putative) условие как социальную проблему. Таким образом, мы определяем социальные проблемы как *деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий*. Возникновение социальной проблемы зависит от организации деятельности по выдвижению требований искоренения, улучшения или какого-либо другого изменения некоторого условия. *Центральной проблемой для теории социальных проблем является объяснение возникновения, характера и поддержания деятельности по выдвижению утверждений-требований*² (*claims-making*

¹ Rubington, Earl, and Weinberg, Martin S., *The Study of Social Problems*. New York: Oxford University Press, 1971.

² Английское слово *claim* используется в данном контексте не просто в значении “утверждение”, а в значении “утверждение требовательного характера” или “утверждение-требование”: конструируя социальные проблемы, члены общества *утверждают*, что существует вредное социальное условие, и *требуют* его устранения или изменения. – Прим. переводчика.

activity) и ответной деятельности. Такая теория должна обращаться к деятельности всякой группы, требующей от других улучшения, материальной компенсации, возмещения социального, политического, правового или экономического ущерба.

Прокомментируем кратко слово *предполагаемое* в приведенном выше определении... Мы используем это слово для того, чтобы подчеркнуть, что для нас всякое данное утверждение-требование или недовольство (complaint) выдвигается или выражается в отношении условия, *предположительно* существующего, а не в отношении условия, существование которого мы, как социологи, хотели бы верифицировать или удостоверить. То есть, сосредоточиваясь на процессе выдвижения утверждений-требований, мы оставляем в стороне вопрос о том, являются эти утверждения верными или ошибочными. (...)

Мы заинтересованы в построении теории деятельности по выдвижению утверждений-требований, а не теории условий. Таким образом, значение объективных условий для нас заключается в *утверждениях о них*, а не в обоснованности этих утверждений, определяемой с некоторой независимой точки зрения, каковой является, например, точка зрения ученого. Для предохранения от тенденции “соскользнуть” назад, к анализу условия, мы утверждаем, что даже существование самого условия не имеет отношения к нашему анализу и находится вне его. Мы не касаемся того, существует или нет предполагаемое условие. (...)

Деятельность по выдвижению претензий, недовольства или требований изменения составляет сущность того, что мы называем социально-проблемной деятельностью. Определения условий как социальных проблем конструируются членами общества, которые пытаются привлечь внимание к ситуациям, находимым ими невыносимыми (repugnant), и которые стараются мобилизовать существующие институты для того, чтобы сделать что-нибудь в отношении этих ситуаций. (...)

Выдвижение утверждений-требований всегда есть форма взаимодействия: требование одной стороны от другой, чтобы что-то было сделано в отношении некоторого предполагаемого условия. (...)

Выдвижение утверждений-требований включает в себя ответы на вопросы анкет, подачу жалоб, предъявление судебных исков, созыв пресс-конференций, написание писем протеста, принятие резолюций, выступление с публичными разоблачениями, публикацию в газетах заявлений, поддерживающих некоторые правительственные действия или оппозиционных по отношению к ним, проведение пикетов и бойкотов. (...)

Мы хотели бы также предложить свою концепцию исторических стадий социальных проблем... С самого начала следует уточнить, что эта концепция имеет *гипотетический* характер: мы не утверждаем, что она представляет собой эмпирически обоснованное обобщенное описание значительного числа отдельных социальных проблем. Данная концепция очерчивает то, на

чем, на наш взгляд, необходимо сосредоточиваться при изучении истории социальных проблем. Она предлагает исследователям социальных проблем своего рода предварительное руководство для накопления первоначального эмпирического материала... Наша концепция исторических стадий отличается от предшествующих (концепций Р.Фуллера и Р.Майерса¹, Г.Блумера²) тем, что она касается судьбы социальных проблем после какой-либо официальной или правительственной реакции. Наши предшественники утверждали, что официальная реакция или осуществление той или иной политики представляет собой конечную стадию проблемы. В результате решение социальных проблем оставалось за рамками анализа. Или предполагалось, что проблема “решается” тогда, когда появляется реакция официальных органов... Ни Г.Блумер, ни Р.Фуллер и Р.Майерс не описывают, что происходит после того, как принимаются законодательные акты, создаются специальные органы и осуществляются те или иные программы. Когда на самом деле социальная проблема прекращает свое существование? Мы пытаемся ответить на этот вопрос, предлагая свою концепцию четырех стадий, при этом стадия 2 соответствует последней стадии концепций Блумера, Фуллера и Майерса. Стадии 3 и 4 описывают то, что происходит с социальной проблемой после определения и осуществления официальной политики. Они представляют собой своего рода “второе поколение” социальной проблемы, когда решения предшествующих проблем (реакции на предшествующие требования) становятся основой для новых утверждений и требований.

Стадия 1. Группа (или группы) пытается утверждать, что некоторое условие существует, определяет его как оскорбительное, вредное, нежелательное, предаёт эти утверждения гласности, инициирует обсуждение, делает это условие предметом общественного и политического внимания.

Стадия 2. Признание легитимности этой группы некоторой официальной организацией или институтом. Это может привести к официальному расследованию, предложениям реформ, созданию организации с целью отреагировать на эти утверждения-требования.

Стадия 3. Повторное выдвижение утверждений-требований первоначальной группой (или другими группами), выражающее неудовлетворенность установленным порядком ведения дел относительно данного условия, бюрократическим обращением с утверждениями-требованиями, неспособностью создать условия сотрудничества и доверия в рамках этого порядка и бездушным отношением к утверждениям-требованиям.

Стадия 4. Отказ группы, выдвигающей утверждения-требования, от деятельности официальной организации или института или отсутствие официальной реакции и разворачивание деятельности по созданию альтернативных, параллельных или противодействующих институтов. (...)

¹ Fuller, R.C., Myers, R.R., ‘The Natural History of a Social Problem’, *American Sociological Review*, Vol. 6, 1941, pp. 320–328.

² Blumer, H., ‘Social Problems as Collective Behavior’, *Social Problems*, Vol. 18, 1971, pp.298–306.

Джозел Бест

Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем¹

Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем появился в результате неудовлетворенности некоторых социологов господствующим объективистским подходом. Конструкционисты утверждали, что определение социальных проблем с точки зрения объективных условий в обществе страдает двумя основными недостатками: 1) при таком подходе игнорируется тот факт, что для определения социального условия как социальной проблемы необходимо субъективное суждение, и 2) наклеивая на условия, имеющие между собой мало общего, ярлык социальных проблем, объективизм не может служить основанием общих теорий социальных проблем.

Конструкционисты в отличие от приверженцев объективистского подхода определяют социальные проблемы с точки зрения выдвижения утверждений-требований² (*claims-making*); они сосредотачиваются на субъективных суждениях (утверждениях, что “X” является социальной проблемой), то есть на том, что игнорировалось объективистами³... Конструкционистский подход к социальным проблемам связан с новейшими интеллектуальными течениями в других дисциплинах: философии, антропологии, исследованиях коммуникации, литературоведении и политической науке. Для всех этих по-разному называемых течений (семиотика, символическая антропология, деконструкционизм или конструкционизм) характерно общее стремление к пониманию того, каким образом люди наделяют смыслом свой мир. Полезным может быть сравнение исследований конструиру-

¹ Перевод И.Г.Ясавеева по: Best, J. (ed.) *Images of Issues: Typifying Contemporary Social Problems*, New York: Aldine de Gruyter, 1989, pp.243–251.

² Объяснение такого перевода на русский язык англ. *claim* см. в одном из подстрочных примечаний к предыдущему отрывку.

³ Среди теоретических работ, оказавших наибольшее влияние на развитие конструкционистского подхода, необходимо назвать следующие исследования: «Конструирование социальных проблем» Малькольма Спектора и Джона Китсьюза (Spector, M., Kitsuse J.I. *Constructing Social Problems*, Menlo Park, CA: Cummings, 1977), а также более раннюю статью Герберта Блумера «Социальные проблемы как коллективное поведение» (Blumer, H. ‘Social Problems as Collective Behavior’ in *Social Problems*, vol. 18, 1971, pp. 298–306). Среди других значительных работ в этой области следует выделить сборник конструкционистских статей под редакцией Иосифа Шнейдера и Джона Китсьюза (Schneider, J.W., Kitsuse J.I. (eds.) *Studies in the Sociology of Social Problems*, Norwood, NJ: Albex, 1984) и статью Иосифа Шнейдера, содержащую обзор многих ранних кейс-стади (Schneider, J.W. ‘Social Problems Theory: The Constructionist View’, in *Annual Review of Sociology*, vol. 11, 1985, pp. 209–229).

вания социальных проблем с работами в области политической науки¹, антропологии² и исследований популярной культуры³. Следует отметить также, что конструкционистский подход закладывает основу развития новых теорий о природе утверждений-требований, о тех, кто выдвигает эти утверждения-требования (claims-makers), о циклах выдвижения утверждений-требований, о формировании социальной политики и т.д.

Конструкционистский подход является относительно новым и вызывает оживленную полемику. Критики атакуют конструкционизм с различных сторон: одни либо защищают объективизм, критикуя позицию конструкционизма, либо утверждают, что объективизм и конструкционизм легко могут быть согласованы друг с другом; другие же предупреждают, что конструкционизму свойственна непоследовательность, и что его теоретические допущения противоречивы. В то же время даже между социологами, относящими себя к конструкционистской традиции, существуют разногласия относительно того, какого рода анализ должен называться конструкционистским. (...)

Критика конструкционизма извне

Конструкционизм драматически порывает с традиционным объективистским подходом к исследованию социальных проблем. Даже сам термин “социальная проблема” используется конструкционистами в ином смысле по сравнению с объективистским пониманием этого термина. Тем не менее, некоторые социологи, сохраняющие свою приверженность объективистскому подходу, отрицают то, что конструкционизм представляет собой принципиально иной подход. Они утверждают, что объективизм и субъективизм – это всего лишь “две стороны одной медали”, и что эти теоретические перспективы легко могут быть согласованы.

Чаще всего при попытках свести на нет различия между объективизмом и конструкционизмом последний признается только на словах. Например, содержащиеся во многих учебниках определения социальных проблем упоминают роль субъективных суждений в идентификации проблемы, но в ходе дальнейшего изложения материала конструкционистские вопросы остаются без внимания. Такие трактовки связаны с непониманием природы конструкционизма, предполагающего нечто большее, нежели признание субъективности определений социальных проблем. Определяя социальные проблемы с точки зрения выдвижения утверждений-требований, конструкционисты устанавливают новую “повестку дня” в изучении социальных проблем; исследования сторонников этого подхода обращены к иным вопросам – о природе утверждений-требований, о том,

¹ Murray, E. *Constructing the Political Spectacle*, Chicago: University of Chicago Press, 1988.

² Geertz, C. *The Interpretation of Cultures*, New York: Basic Books, 1973.

³ Radway, J.A., *Reading the Romance*, Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1984.

кто выдвигает утверждения-требования и т.д. Так, традиционный объективистский подход к бездомности может сосредотачиваться на определении численности бездомных, выяснении, почему люди становятся бездомными или на каком-либо ином исследовании бездомности как социального условия. Конструкционистский же анализ сосредотачивается на том, чьи утверждения-требования делают бездомность предметом общественного внимания, как эти утверждения-требования представляют бездомных, как общественность и политики реагируют на эти утверждения-требования и т.д. Поскольку эти два подхода определяют социальные проблемы по-разному и сосредотачиваются на различных вопросах, согласовать объективизм и конструкционизм в рамках единой, интегрированной теории далеко не просто.

Другие критики-объективисты признают, что конструкционизм действительно представляет собой уникальный подход – подход, который они не одобряют. Эти критики утверждают, что сосредоточенность на утверждениях-требованиях игнорирует гораздо более важный предмет – вредные социальные условия, которые являются “реальными” социальными проблемами. Конструкционизм дает следующие два ответа таким критикам: 1) нет ничего плохого в том, чтобы заниматься исследованием социальных условий, но осуществлявшиеся в течение десятилетий объективистские исследования социальных условий так и не смогли заложить основу общих теорий социальных проблем; 2) важно помнить, что мы признаем социальные условия “действительно” вредными только потому, что кто-то преуспел в выдвигании убедительного утверждения-требования. Необходимо повторить еще раз: объективизм и субъективизм задают разные вопросы, и относительная ценность этих наборов вопросов зависит от того, что мы хотим узнать.

Однако наиболее влиятельная критика конструкционизма была представлена не объективистами, а двумя социологами, стоящими на субъективистской позиции. Стив Вулгар и Дороти Полач¹ заявляют, что конструкционисты основываются в своем анализе на скрытых объективистских допущениях. Они утверждают, что конструкционизм непоследователен. Конструкционисты подчеркивают свою сосредоточенность на субъективных суждениях или утверждениях-требованиях, тогда как такой анализ обычно предполагает знание объективных социальных условий. Так, стандартное конструкционистское объяснение может выглядеть следующим образом: хотя социальное условие “X” осталось неизменным, “X” стало определяться как социальная проблема только тогда, когда люди начали выдвигать утверждения-требования относительно этого условия. Вулгар и Полач указывают на то часто не высказываемое допущение, что социальное условие “X” не изменилось. Конструкционисты считают надлежащим предметом

¹ См.: Woolgar, S., Pawluch D. ‘Ontological Gerrymandering: The Anatomy of Social Problem Explanations’, in *Social Problems*, vol. 32, 1985, pp. 214–217.

анализа социальных проблем утверждения-требования относительно *предполагаемых* условий, подразумевая, что характер социальных условий является в данном случае несущественным (и возможно непознаваемым); однако при этом обычно предполагается, что они знают реальное состояние социального условия (в данном примере как неизменного феномена). Согласно Вулгару и Полачу, это противоречие связано с самой сущностью конструкционизма: «Успех [конструкционистского] объяснения социальных проблем зависит от проблематизации подлинного статуса определенного положения вещей и одновременного игнорирования ... того, что с теми же проблемами связаны допущения, на которых основывается этот анализ»¹. Вулгар и Полач называют это избирательное внимание к объективным условиям «онтологическими подтасовками».

Полемика в рамках конструкционизма

Критика Вулгара и Полача вызвала в среде конструкционистов оживленную полемику². Предметом обсуждения стали аналитические допущения, лежащие в основании этого подхода. Какие допущения относительно объективного социального мира свойственны этому подходу? Следует ли избегать всех допущений такого рода, или некоторые из них вполне приемлемы? Каковы последствия использования различных допущений? Конструкционисты по-разному отвечали на эти вопросы.

На одном полюсе находятся те, кого можно назвать *строгими конструкционистами*. Они утверждают, что при анализе социальных проблем следует избегать каких-либо допущений об объективной реальности. Согласно их точке зрения, конструкционисты должны изучать взгляды тех, кто выдвигает утверждения-требования, определяет политику, а также взгляды других членов общества. Реальные социальные условия не имеют значения; значение имеет только то, что говорят члены общества об этих условиях. Строгие конструкционисты сосредоточиваются на выдвигании утверждений-требований; предполагается, что они не оценивают верность утверждений-требований.

Вследствие того, что строгие конструкционисты принимают феноменологическую точку зрения, они, по существу, оспаривают способность аналитика выносить суждения относительно социальных условий. Феноменологическая социология утверждает, что наше знание о мире является

¹ *Ibid.*, 216.

² См.: Gusfield, J.R. 'Theories and Hobgoblins', in *SSSP Newsletter* 17, Fall 1985, 16–18; Hazelrigg, L.E. 'Were It Is Not for Words', in *Social Problems*, vol. 32, 1985, pp. 234–237; Hazelrigg, L.E. 'Is There a Choice Between "Constructionism" and "Objectivism"?' in *Social Problems*, vol. 33 (October/December), 1986, pp. 1–13; Pfohl, S. 'Toward a Sociological Deconstruction of Social Problems', in *Social Problems*, vol. 32, 1985, pp. 228–232; Schneider, J. 'Defining the Definitional Perspective on Social Problems', in *Social Problems*, vol. 32, 1985, pp. 232–234; Woolgar, S., Pawluch D. 'How Shall We Move Beyond Constructivism?' in *Social Problems*, vol. 33, 1985, pp. 159–162.

социальной конструкцией. Это относится не только к выдвигаемым членами общества утверждениям-требованиям в отношении социальных вопросов, но также и к самому конструкционистскому анализу утверждений-требований. С этой точки зрения, социолог не обладает какой-либо привилегией; он всего лишь один из тех, кто стремится понять окружающий мир. Утверждая что-либо о социальных условиях, он становится еще одним участником процесса выдвижения утверждений-требований. Строгие конструкционисты, следовательно, не интересуются согласованием конструкционистских и объективистских теорий, поскольку считают предметом исследования социальных проблем утверждения-требования, выдвигаемые членами общества, а не валидность этих утверждений. С другой стороны, строгие конструкционисты ставят в несомненную заслугу Вулгару и Полач их критику и стремятся избегать любых (даже скрытых) допущений об объективной реальности.

На другом полюсе находятся те социологи, которые считают конструкционизм синонимом *фальсифицирования* (debunking). С конструкционистской точки зрения, основное различие проводится между социальными условиями и утверждениями-требованиями относительно этих условий; утверждения-требования выдвигаются относительно предполагаемых условий, которые могут существовать, а могут и не существовать. Социологи, желающие указать на ошибочные или неверные утверждения-требования, время от времени описывают их как “социально конструируемые”. Эта трактовка приравнивает социальную конструкцию к ошибке и игнорирует то, что все утверждения-требования (равно как и любое другое знание вообще) социально конструируются. Фальсифицирование предполагает, что аналитик знает подлинную природу объективной реальности. Это наиболее грубая форма конструкционизма. В сущности, строгие конструкционисты сказали бы, что фальсифицирование не следует считать формой конструкционизма, это – объективистская социология, поскольку сосредоточивается на реальной природе социальных условий, а не на процессе выдвижения утверждений-требований.

Существует ли нечто среднее между феноменологической и фальсификационной версиями конструкционизма? Представляется, что первая ограничивает аналитика, который должен избегать любых допущений о социальных условиях, тогда как вторая утрачивает видение утверждений-требований как фокуса анализа социальных проблем.

Фактически множество (возможно большинство) конструкционистских исследований, как представляется, осуществляется между этими полюсами, соответствуя тому, что может быть названо *контекстуальным конструкционизмом*¹. Контекстуальные конструкционисты сохраняют сосредо

¹ Раскол между строгим и контекстуальным конструкционизмом заметен даже в основополагающих теоретических работах этого направления. Так, М.Спектор и Дж.Китсьюз занимают строго конструкционистскую позицию, тогда как Г.Блумер и

точность на процессе выдвижения утверждений-требований и, тем не менее, признают возможным существование некоторых допущений о социальных условиях – именно тех, против которых выступали Вулгар и Полач. Однако контекстуальные аналитики утверждают, что такие допущения позволяют разместить утверждения-требования в их социальном контексте. При исследовании ряда вопросов этот контекст может не играть особой роли: изучение риторики утверждений-требований не связано с необходимостью рассмотрения верности утверждений-требований или реальной природы социальных условий, относительно которых выдвигаются утверждения-требования. Тем не менее, знание социальных условий может помочь объяснить, почему возникают определенные утверждения-требования.

Предположим, мы исследуем кампанию против “растущей уличной преступности”. Чем могут объясняться эти утверждения-требования? Строгий конструкционист может отметить, что те, кто выдвигает утверждения-требования, ссылаются на более высокий уровень преступности или растущее чувство страха. Однако он будет рассматривать эти ссылки как часть утверждений-требований, не делая каких-либо допущений о том, что уровень преступности или страх перед преступностью действительно возросли. Контекстуальный конструкционист, напротив, может принять во внимание данные официальной статистики или обследований, измеряющих страх перед преступностью, даже если те, кто выдвигал утверждения-требования, никогда не обращались к статистике или обследованиям. Предположим, например, что те, кто выдвигает утверждения-требования, начинают кампанию против растущей преступности тогда, когда уровень преступности не повышается. Контекстуальный конструкционист может отметить это расхождение между утверждениями-требованиями и другой информацией о социальных условиях.

В этом заключается ключевое различие между строгими и контекстуальными конструкционистами. Очевидно, всякое утверждение о социальных условиях является социальной конструкцией. Утверждение-требование, согласно которому преступность (или страх перед преступностью) растет, является всего лишь утверждением-требованием. Но использование названия “утверждение-требование” по отношению к высказыванию не дискредитирует его. Контекстуальные конструкционисты утверждают, что всякое утверждение-требование можно оценить. Эта оценка может быть основана на различного рода данных, таких, как данные официальной криминальной статистики или опросов общественного мнения, которые в свою очередь являются социальными конструкциями – продуктами организационной практики департаментов полиции, служб, проводящих опросы общественного мнения, и т.д. Строгие конструкционисты час

Дж.Гасфилд проявляют контекстуально конструкционистскую готовность делать допущения относительно объективных социальных условий.

то утверждают, что нельзя объяснять один набор утверждений-требований (например, утверждения-требования относительно “уличной преступности”) другим (например, статистическими данными о росте преступности). Однако контекстуальные конструкционисты допускают с разумной долей уверенности, что они могут обладать знанием социальных условий. Они признают социально конструируемую природу уровней преступности и другой информации о социальных условиях, но допускают, что такая информация может быть использована для описания (пусть несовершенного) того контекста, в котором происходит выдвижение утверждений-требований.

С точки зрения строгих конструкционистов, подобные допущения ведут аналитика к объективизму. Они отмечают, что аналитик не может оценивать утверждения-требования, не предполагая, что он знает больше, чем тот, кто их выдвигает. Строгие конструкционисты подвергают сомнению основания такого предположения. Если все знание социально сконструировано, то каким образом контекстуальный аналитик может заявлять об особом понимании социальных условий, понимании более высокого порядка?

Контекстуальные конструкционисты по-разному используют знание социальных условий. В дополнение к использованию социальных условий для объяснения возникновения утверждений-требований аналитик может обращаться к социальным условиям при объяснении того, почему некоторые утверждения-требования привлекают внимание или способствуют изменению социальной политики. Противопоставление утверждений-требований информации о социальных условиях, описываемых этими требованиями, может показать, что тот, кто выдвигает утверждения-требования, использует драматические, нетипичные примеры или завышенную статистику.

Контекстуальный конструкционизм представлен в нескольких главах этой книги [*Images of Issues*], характеризующих утверждения-требования как неточные, искаженные или преувеличенные. Так, выдвигающие утверждения-требования используют, на мой взгляд, завышенную статистику в отношении числа детей, ставших жертвой похищения; Э.Альберт противопоставляет утверждения-требования относительно драматического роста передаваемого гетеросексуальным путем СПИДа официальным данным, отмечающими незначительное изменение доли гомосексуалов и наркоманов в недавних случаях заболеваний СПИДом; Ш.Скричфилд использует статистику рождаемости для дискредитации утверждений-требований об эпидемии бесплодия; К.Рейнерман и Г.Левин утверждают, что опросы, показывающие незначительное изменение в масштабах наркомании, ставят под сомнение утверждения-требования относительно быстро расширяющегося употребления кокаина. В этих главах (так же как и в других) для оценки утверждений-требований используется официальная статистика —

один из наиболее распространенных способов, с помощью которых контекстуальные конструкционисты включают знание социальных условий в свою аргументацию.

Следует отметить, что исследователи могут обращаться с официальной статистикой различным образом. Приверженцы фальсификационной версии конструкционизма, например, полагают, что официальные данные точно представляют реальность – подход, который кажется в большей степени объективистским, чем конструкционистским. Контекстуальный конструкционист рассматривает официальную статистику как социальную конструкцию и больше склонен задаваться вопросом, почему тот, кто выдвигает утверждения-требования, ее игнорирует. Почему, когда федеральные обследования не обнаруживают роста наркомании, федеральные органы предпринимают кампанию против крэк-эпидемии? В данном случае аналитик использует официальную статистику не для описания реальных социальных условий, а для оценки голосов тех, кто выдвигает утверждения-требования. Действительно ли лица, разворачивающие кампанию против крэка, не знают об обследованиях наркомании, или они предпочитают игнорировать данные обследований – и если так, то почему? Отношение к официальной статистике как к точным показателям социальных условий может вывести исследователя за рамки конструкционистской традиции, тогда как ошибка в рассмотрении официальной статистики как разновидности утверждений-требований сама по себе менее очевидна.

На практике исследователь часто не может избежать некоторых (иногда неявных) утверждений о социальных условиях: эти утверждения-требования были выдвинуты такими-то людьми; такие-то люди имели такие-то интересы; изменения в обществе сделали людей более (или менее) восприимчивыми к этим утверждениям-требованиям и т.д. (...)

Строгий конструкционизм выступает за своего рода аналитическую чистоту, когда аналитик не делает предположений о реальных социальных условиях. Тем не менее, на практике скрытые допущения о социальных условиях, как представляется, играют определенную роль при любом анализе утверждений-требований. Это как раз то, от чего предостерегали Вулгар и Полач. Однако не ясно, возможен ли анализ, свободный от допущений об объективных условиях (что и является целью строгого конструкционизма). Контекстуальный конструкционист, вероятно, сказал бы, что позиция строгого конструкциониста ограничивает тот ряд вопросов, которые может задать исследователь.

Использование конструкционистской перспективы

Споры о теоретических основаниях конструкционизма могут вызвать впечатление, что это сухое, академическое направление (“башня из слоновой кости”), не имеющее практической ценности. Было бы нелепо закончить на этой ноте. Конструкционистский подход может быть полезен как

для того, кто претендует на выдвижение утверждений-требований, так и для тех, кто собирается исследовать социальные проблемы.

Конструкционизм как руководство к выдвижению утверждений-требований

Относительно небольшое число людей достигают национального признания в качестве выдвигающих утверждения-требования – их приглашают выступить перед парламентом, снимают для информационных журналов и интервьюируют для вечерних новостей. Но далеко не весь процесс выдвижения утверждений-требований происходит на национальной сцене. Утверждения-требования выдвигаются также в администрациях штатов и муниципалитетах, общинах и жилых кварталах, на рабочих местах и в университетских городках – везде, где люди пытаются привлечь внимание к условиям, вызывающим у них беспокойство.

Конструкционистские исследования могут преподать ценный урок тем, кто претендует на выдвижение утверждений-требований. Выдвигающие утверждения-требования сталкиваются с реальными препятствиями: они должны привлечь внимание, заручиться поддержкой и сформировать политику. Конструкционистские исследования показывают, как преодолевались эти препятствия теми, кто выдвигал утверждения-требования. В известном смысле конструкционистские кейс-стади (исследования отдельных случаев) указывают, что работает, а что не работает, и при каких обстоятельствах. Изучение данных социологического анализа успешного и безуспешного выдвижения утверждений-требований может помочь тем, кто собирается выдвигать утверждения-требования, спланировать их собственные кампании.

Новые направления использования конструкционистского подхода

Наряду с тем, что открытия, сделанные в ходе конструкционистских исследований, могут помочь в разработке новых кампаний по выдвижению утверждений-требований, наибольшую пользу конструкционизм может принести в качестве аналитического средства. Конструкционизм – это позиция, ориентация, перспектива, которую мы можем применять для того, чтобы достичь лучшего понимания окружающего нас мира.

Мы живем в мире, в котором выдвижение утверждений-требований стало обычным делом. Первая страница обычной утренней газеты может содержать три-четыре примера выдвижения утверждений-требований. Утверждения-требования занимают значительную часть материала, представляемого в информационных изданиях, программах, на парламентских заседаниях, в ток-шоу и т.д. Обычно эти утверждения-требования высвечивают новые аспекты привычных социальных проблем: так, например, происходит в случае с сообщением о том, что исследователи обнаружили

еще одно канцерогенное вещество. Реже те, кто выдвигает утверждения-требования, говорят об обнаружении совершенно новой проблемы.

В то время как современные утверждения-требования постоянно представляются средствами массовой коммуникации, нетрудно отыскать и исторические примеры выдвижения утверждений-требований. В американской истории, например, заметное место занимают кампании за отмену рабства, избирательное право для женщин, трезвость и т.д. Хотя чаще эти кампании описываются как политические и социальные движения, очевидно, что они являются примерами выдвижения утверждений-требований.

В рамках конструкционистской перспективы могут изучаться как современные, так и исторические утверждения-требования¹. Такое исследование предполагает сосредоточение на самих утверждениях-требованиях, на тех, кто их выдвигает, и на самом процессе выдвижения утверждений-требований.

Утверждения-требования. Первой задачей конструкционистского анализа является обнаружение случаев выдвижения утверждений-требований. Источники утверждений-требований варьируются в зависимости от того, каким образом и когда выдвигаются утверждения-требования, от полномочий тех, кто их выдвигает и т.д. Однако существует ряд следующих стандартных источников: 1) средства массовой коммуникации – пресса (газетные статьи и статьи информационных журналов), радио и телевидение (вечерние программы новостей и т.д.); 2) научные и научно-популярные книги и периодика; 3) популярные издания – статьи в специализированных журналах, ток-шоу и др.; 4) выступления в парламенте; 5) брошюры, листовки, тезисы и другие недолговечные материалы; 6) опросы общественного мнения; 7) интервью с теми, кто выдвигает утверждения-требования.

Иногда можно проследить изменение уровня интереса к социальной проблеме, измеряя частоту, с которой выдвигаются утверждения-требования определенного типа. ...Социологи часто используют указатели к сообщениям средств массовой коммуникации (например, «*Указатель периодической литературы*», «*Указатель статей Нью-Йорк Таймс*» или «*Указатель телевизионных новостей и резюме*») для измерения меняющегося уровня освещенности той или иной проблемы в средствах массовой коммуникации.

Определив набор утверждений-требований, можно приступить к анализу их содержания. Значимыми в данном случае являются следующие вопросы: что говорится о проблеме? как типизируется проблема? какова риторика выдвижения утверждений-требований, или как представляются утверждения-требования для того, чтобы убедить аудиторию?

¹ М.Спектор и Дж.Китсьюз вносят ряд практических предложений, которые могут использоваться исследователями социальных проблем.

Индивиды и группы, выдвигающие утверждения-требования. Еще одним объектом анализа являются те, кто выдвигает утверждения-требования. Для начала необходимо идентифицировать выдвигающих утверждения-требования. Кто в действительности выдвигает утверждения-требования? Кого, по их утверждению, они представляют (если кто-то за ними стоит)? Являются ли те, кто выдвигает утверждения-требования, лидерами или представителями определенных организаций, социальных движений, профессий или заинтересованных групп? С кем они связаны предшествующими контактами? Имеют ли они опыт в выдвижении утверждений-требований или являются новичками? Отражают ли они какую-либо определенную идеологию? С чем связаны их интересы – с вопросами, которые они поднимают, с политикой, которую они поддерживают, или с успехом кампании? Каким образом на утверждениях-требованиях отражается тот факт, что они выдвигаются именно этими людьми?

Процесс выдвижения утверждений-требований. Утверждения-требования вызывают различные реакции. Некоторые утверждения-требования игнорируются, те, кто их выдвигает, решают не продолжать кампанию, и вопрос быстро забывается. Время от времени выдвигающие утверждения-требования достигают значительного успеха: люди прислушиваются к их утверждениям-требованиям и быстро реагируют на них, принимая любую рекомендуемую ими политику. Чаще всего, конечно, успех кампаний бывает неоднородным, и только продолжительное выдвижение утверждений-требований может привести к каким-либо результатам; в другом случае выдвигающим утверждения-требования удастся организовать активное социальное движение, но они испытывают трудности в изменении социальной политики; в третьем – возникает необходимость в целом цикле кампаний, каждая из которых ведет к небольшим изменениям в политике. Очевидно, что процессы выдвижения утверждений-требований являются сложными, и для того, чтобы разобраться в них, необходимо провести значительный объем сравнительной исследовательской работы. В числе основных вопросов относительно любой кампании по выдвижению утверждений-требований могут быть следующие: к кому обращались те, кто выдвигал утверждения-требования? выдвигал ли кто-либо конкурирующие утверждения-требования? какие интересы связывала с этим вопросом аудитория, к которой обращались выдвигающие утверждения-требования, и как эти интересы определяли реакцию аудитории на утверждения-требования? как характер утверждений-требований или личность выдвигающих утверждения-требования влияли на реакцию аудитории?

При рассмотрении разнообразных вопросов, поставленных конструкционистами, важно сохранять сосредоточенность на выдвижении утверждений-требований, не отвлекаясь на социальные условия, относительно которых они выдвигаются. Это не означает, что условия не могут фигурировать в анализе (хотя строгий конструкционистский анализ требует, что

бы аналитик не ссылался на какое-либо специальное знание, касающееся этих условий). Разумеется, условия не должны занимать центральное место. Строгие конструкционисты могут задаваться вопросом, как условия воспринимаются теми, кто выдвигает утверждения-требования, или как они описываются ими. Контекстуальные конструкционисты могут также спросить, какова вероятность того, что выдвигающие утверждения-требования искажают или неточно описывают условия, или как утверждения-требования либо реакция на них объясняется условиями.

Таким образом, конструкционизм стал полезной, действенной исследовательской традицией – традицией, обещающей появление общих теорий социальных проблем. (...)

Раймонд Михаловски

(Де)конструкция, постмодернизм и социальные проблемы: факты, фикции и фантазии в условиях “конца истории”¹

Цель данной статьи – изучить значение *ритуальной (де)конструкции* в осмыслении социальных проблем, определить отношения между ритуальной (де)конструкцией и другими формами “социального конструкционизма”, рассмотреть значение ритуальной деконструкции в других подходах к исследованиям социальных проблем.

Социальный конструкционизм изучает социальные проблемы как определения, анализирует социолингвистические и другие репрезентативные ритуалы, которые создают такие определения. Рождение социального конструкционизма – это скорее результат попыток связать несопоставимые темы, обычно попадающие под заголовок “социальные проблемы” в целостное, последовательное поле для социологического изучения, нежели теория о человеческих проблемах.

В отличие от объективистских подходов, которые интересуются установлением “объективной” природы социальных проблем, измерением, подсчетом, классификацией с целью улучшения этих “объективных” социальных проблем, социальный конструкционизм фокусирует свое внимание на деятельности тех, кто выдвигает “утверждения-требования”. Социальный конструкционизм часто кажется нейтральным по отношению к поли

¹ Перевод Н.Николаевой по: Michalowski, R.J. ‘(De)Construction, Postmodernism, and Social Problems: Facts, Fictions, and Fantasies at the “End of History”’, in Miller, G., Holstein, J.A. (eds.) *Constructionist Controversies: Issues in Social Problems Theory*, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1993.

тическим и моральным условиям, поскольку он отказывается от онтологического приоритета “объективной реальности”.

Во всем этом есть некоторое противоречие, ибо такая критика “объективной реальности” приводит к более опосредованному участию в попытках улучшения условий, порождаемых структурами власти. В то же время более консервативные позитивистские подходы, относящиеся к проблемам как к “реальности”, могут порождать больше беспокойства и призывов к действию и социальному изменению. Они гораздо чаще приводят к социальным изменениям, чем конструкционистский подход, поскольку радикальные смыслы конструкционизма “погружены” в теоретически обоснованную невозможность стать частью процесса социальной борьбы, посвященной улучшению условий человеческой жизни.

Два метода деконструкции

Ранние версии символического интеракционизма Дж.Мида и Г.Блумера положили начало развитию подходов “наклеивания ярлыков”/“социетальной реакции” и этнометодологии, имеющих тесное родство с социальным конструкционизмом. Совсем недавно течение символического интеракционизма, представленное в версиях о социальных проблемах и социальном конструкционизме, соединилось с другим широким теоретическим течением *деконструкции*. Это течение имеет два главных направления, каждое из которых порождает свою форму деконструкционизма.

Одна ветвь деконструкции представлена структурной лингвистикой Соссюра и семантической философией Деррида. Эта ветвь оказала сильное влияние на литературную критику (Барт, Джеймисон). Это так называемая *литературная деконструкция*, хотя ее влияние гораздо шире области литературы.

Другая форма деконструкции связана с постструктуралистскими работами Фуко и сюрреалистскими последователями дюркгеймовской традиции – Батаем и Бахтиным. Я называю эту версию *социальной деконструкцией*, так как она ссылается больше не на литературные тексты, а на устойчивые социальные ритуалы.

Литературная деконструкция направляет свои усилия на анализ литературных текстов, то есть декодирование данных текстов в литературные документы. Такой способ анализа – это продукт рационального/креативного разума, более привилегированного по сравнению с *поведением*. Другие формы представления, речь и ритуалы тела, играют очень небольшую роль в литературной деконструкции.

Социальная деконструкция, напротив, складывается из значений действующих тел. Эта сосредоточенность на теле свидетельствует о влиянии Фуко и Бахтина. Фуко представляет тело как локус контроля – контроля появления, движения, обоняния, удовольствия, формы, потребления – выраженного в речи и действии. Бахтин изучал карнавальные ритуалы осво

бождения, и особенно освобождения тела как в речи, так и в действиях. Он исследовал не способы проявления контроля власти над телом, а периодические ритуальные изменения телесного. В ритуалах празднования карнавалов проявляются временное освобождение от установленного порядка, приостановка действия всех иерархий, привилегий, норм и запретов. Социальная деконструкция признает телесность социального мира и пытается понять, как воплощенные в теле люди становятся местом проявления смысловых ритуалов власти. Литературная деконструкция сосредоточивается на текстах как на абстрактных продуктах “отсутствующего” разума, чье существование (на говоря уже о телесности) является почти ненужным.

Другое различие между литературной и социальной деконструкциями – в их взглядах на устойчивость и соизмеримость смысла. Литературная деконструкция, описанная Деррида, отрицает, что смысл любого текста может быть детерминирован через обращение к некоторой внешней системе утверждений (легализации). Очевидно, что устойчивость смысла обеспечивается только синтаксисом и грамматикой. Текстовое значение не может быть ни историческим, ни транс-историческим; оно всегда “обитает” в декодировании текста отдельными “читателями” и фиксируется в их собственном субъективном пространстве. У каждого текста столько же потенциальных значений, сколько и декодеров/“читателей”, и потому невозможно выявить в нем “истинный” смысл, заложенный автором и “действительное” значение, придаваемое ему любым читателем. Возможность “знать и открыть” *истину* ограничена рамками и структурой языка и различиями между авторами текстов и читателями. Литературная деконструкция полагает, что все социальные ритуалы – это немного больше, чем радикальный солипсизм, неверно истолкованный как общедоступная реальность. Литературная деконструкция отрицает любую возможность внешней валидности значения текста, текст может быть деконструирован только *относительно себя*. Цель деконструктивного дискурса – это обмен интерпретациями между “читателями”. Для литературных деконструкционистов тексты нерепрезентативны.

В области социологического анализа, следующего традиции литературной деконструкции, литературный текст заменяется социальным/поведенческим текстом. Социальные аналитики этого направления рассматривают значение поведения и ритуалов как нечто замкнутое на себе. Ритуалы могут иметь значения, которые доступны его участникам, но это значение находится не вне ритуала, а *только* внутри его. Однако при принятии большинства радикальных заключений литературной деконструкции проблематичным становится само существование культуры. Могут ли существовать коллективные ритуалы, связывающие отдельных людей в пределах общепринятых значений, если конструирование значений есть занятие субъективное и индивидуальное?

В отличие от этого направления, социальная деконструкция подходит к обществу как к интегрированному копированию ритуальных действий, а не как к аналогу текста. Общество есть нечто большее, нежели набор частных, субъективных значений. Значения связаны с историческими условиями, специфические и мощные репрезентативные практики рождаются и умирают вместе с историческими эпохами. Задача социальной деконструкции – показать современные и исторические *социальные* тексты в свете того, “что они не значат” (Гордон), то есть прочитать их в свете чего-то, отличного от здравого смысла.

От литературной и социальной деконструкций к риторической и ритуальной (де)конструкциям

Смыслы литературной и социальной деконструкции нашли применение в изучении социальных проблем, приведя к возникновению риторической и ритуальной деконструкций. Текст Ибарры и Китсьюза¹ – пример литературной/риторической деконструкции, а видеотекст «Криминологические замещения» (criminological displacements) – пример социальной деконструкции. Ритуальная деконструкция представляет более решительный вызов конструкционистскому подходу, так как существенно отходит от установленных логоцентрических методов социального конструкционизма.

Термин “*социальная конструкция*” способствует обращению к тому, что было сделано *теми, кто изучался*, то есть к тому, как нечто, написанное о-о-чем-то (written-about), конструирует социальные проблемы. Термин “*социальная конструкция*” как один из методов изучения социальных проблем отодвигает автора социологической истории на задний план. На передний план деконструкция выдвигает то, что было сделано *теми, кто изучает*, и то, как они проверяют социальные тексты на новые значения.

В обоих случаях это является процессом анализа коммуникативных актов и открытия их глубинных и зачастую скрытых значений. С этой точки зрения (де)конструкцией является и социальная конструкция Спектора и Китсьюза, и риторический анализ Ибарры и Китсьюза. Все социально-конструкционистские тексты могут быть рассмотрены как (де)конструкция, так как они расчленяют социальные тексты как часть новых социологических рассказов.

Риторическая (де)конструкция

Ибарра и Китсьюз предлагают усовершенствовать конструкционистскую модель изучения социальных проблем с помощью “теории общепотребительных составляющих социальных проблем”. Цель этой теории есть установление более непроницаемого барьера между “общепотребительными ресурсами и аналитическими конструкциями”, чтобы

¹ Ibarra, P.R., Kitsuse, J.I., ‘Vernacular Constituents of Moral Discourse: An Interactionist Proposal for the Study of Social Problems’, in Miller, G., Holstein, J.A. (eds.), *Constructionist Controversies: Issues in Social Problems Theory*, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1993.

избежать “беспорядочного слияния мирских и теоретических перспектив”. Этот подход является производным от литературной деконструкции, поскольку:

- он в большей степени направлен на анализ вербальных текстов, чем на социальные свойства как ритуалы тела;
- он стремится оперировать текстом, анализируя его в значительной мере изнутри;
- он прежде всего заинтересован в определении лингвистических координат конструирования социальных проблем;
- в его рамках авторами относительно небольшое внимание уделяется их собственным лингвистическим конструкциям, которые также являются конструированием социальной проблемы.

Задача теории “общеупотребительных составляющих моральных дискурсов” – найти убедительное, рациональное содержание в обработанном, формально написанном тексте, так как эта теория (как и большинство социологических теорий) лингвистически обусловлена и логоцентрична.

Ритуальная (де)конструкция

В ноябре 1985 г. в Американской Криминологической Ассоциации в Сан-Диего Стефан Фол и Авери Гордон впервые показали «Криминологические замещения» полностью озадаченной научной аудитории. Текст видео позднее был опубликован как «Криминологические замещения: социологическая деконструкция».

Выбор показа видео – результат подхода к современному социальному миру, где возможности видеокamеры конструировать целостные визуальные образы представляются более широкими по сравнению с линейностью написанного слова. Фол и Гордон, бросая вызов логоцентричности практики социальных сцен, считают, что изучению социальных проблем в мире “постмодерна” лучше служат постмодернистские способы выражения, нежели буквальные и литературные способы модерна.

«Криминологические замещения» настаивают на том, что социологи признают свои желания (eros), не только контролируя так называемых девиантов, но и трансформируя их из “телесных человеческих животных” в двумерные описанные характеры (logos). Eros социальной науки должен быть возвращен в сознательную жизнь социальных ученых, считают деконструкционисты и подчеркивают чувственное качество человеческого опыта.

Основной механизм возвращения репрессированного эротического качества жизни – через визуальный коллаж культурного изображения контроля. Это не случайный беспорядок символической реальности, это ее переупорядочивание. Теория и метод деконструкции «Криминологических замещений» – символические связи, которые обычно находятся под спудом обыденного восприятия. При деконструкции происходит расчленение и устранение само собой разумеющихся символических ритуалов. Это по

стоянная смесь образа, слова, звука, которая разупорядочивает время и сочетает факты, чтобы достичь взрыва в сознании.

Работают ли образы ритуальной (де)конструкции (и, если да, то как)?

Переупорядочивание знакомых, популярных образов является центральным в практике ритуальных (де)конструктивистов. Желание такого переупорядочивания возникло на обломках тезисов ранних (начало XX в.) западных марксистов о существовании “доминирующей идеологии” в обществе. Эта концепция была сформулирована у Грамши как “ложное сознание”, позднее, у Альтюссера, – как необходимо представляемая реальность, и еще позднее, у Пулантца, – как сознание жизненного опыта. В каждом случае так называемые массы конструировались не как жертвы контроля капиталистического аппарата коммуникации и культуры, а скорее как сотворцы идеологических конструкций, в рамках которых они проживают. Фуко предположил, что власть, формирующая образы, которые, в свою очередь, формируют сознание, не является чем-то вроде вещи или существа, она не может быть где-то зафиксирована и расположена, она циркулирует в обществе. Образы транслируются через миллиарды каналов повседневной жизни (реклама, коммунальное обслуживание, мультипликация, серьезная драма и т.д.), они утверждаются в нас через их поглощение и использование, через наше согласие с нормальностью власти, которая контролирует так называемых девиантов. Определение этой силы является центральной проблемой практики ритуальной деконструкции, и «Криминальные замещения» следуют этим путем.

Возмущение, которое часто чувствуют зрители, первый раз сталкивающиеся с продукцией деконструкционистов (такой, как «Криминалогические замещения»), достигается в некоторой степени провокацией внутренних эмоциональных противоречий в зрителе и затем, в нарушение правил катарсиса Аристотеля, отказом от их разрешения, оставлением субъекта со всеми его противоречиями. Так происходит деконструкция коммуникативных каналов. Но какую работу выполняют такие практики, могут ли они добавить что-либо к изучению социальных проблем?

Первое, что они делают, – бросают вызов представлению о мире как о прозрачной действительности. Когда Ибарра и Китсьюз, делая сходное наблюдение, озабочены тем, что исследователи социальных проблем не могут до конца оставаться нейтральными, невольно предпочитая некоторые общепринятые версии, то они (Ибарра и Китсьюз) предлагают модернистскую трактовку деконструкционизма. Модернистскую в том смысле, что сохраняются категориальные различия между познающим и познаваемым, то есть между причинами и желаниями.

Напротив, такие постмодернистские аналитики, как Бодрийар, Гордон, Ор, Фол, Крокер и Кук, считали предполагаемую аналитическую нейтральность модернистской сцены иллюзией. Вопреки модернистским кон

цепциям знания они принимают явно оценочную позицию по отношению к условиям современного сознания и жизни, так как вера в онтологическое разделение факта и оценки недостижима. Ритуальная деконструкция не полагается на факты для доказательства верности утверждений-требований или развенчания тех, кто их выдвигает. Вместо этого выдвигаются общепризнанные образы, которые разупорядочивают проявления действительности, тем самым демонстрируется хрупкость социальной реальности.

Деконструкция во всех своих постмодернистских формах стала мишенью критики со стороны более традиционных академических ветвей социологии за отказ от структурного анализа политико-экономических процессов в пользу изучения культурных образов. Например, предполагается, что brutальные, ломаные образы постмодерна – это лишь уступки чарам языка, которые не значат ничего, кроме открытого в творческих муках деконструктивного изображения. Другие критики считают, что деконструкционизм – это ответ поколения профессионалов, занимающих второстепенные в научных кругах позиции по сравнению с консервативной академической элитой конца 1970-х и начала 1980-х гг. С этой точки зрения неупотребительный язык и путаные образы являются метафорой, скрывающей реальные намерения исследователей. Особенно жесткой критике – за сведение всей жизни до пределов языка и отступление от конкретных политических действий – они были подвергнуты сторонниками изучения политико-экономической области как главной сферы социальных изменений.

Множество защитников постмодернистских форм деконструкции доказывают, однако, что их теория и метод глубоко политичны. Они предпринимают попытки сконструировать новую политику рассуждений и жизни, ломая преобладающий сегодня дискурс власти. Это будет теоретической заменой исторического материализма, противоречия которого становятся все более и более очевидными.

Я (автор) хочу проверить значения «Криминологических замещений» как прототипа ритуальной деконструкции в рамках социологии и подвергнуть критике проект деконструкции, используемый в изучении социальных проблем.

По ту сторону проблемы “объект–субъект”

В представлениях ритуального (де)конструкционизма человеческий опыт – это в основном то, что социально конструирует локализованный объективный мир. Эта социально сконструированная объективность поддается существованию систем власти и господства того, что должно существовать только на основании этого представления. Человеческие действия сдерживаются социально установленными формами власти, и некоторые люди испытывают ограничения, которые более других деструктивны телесно, умственно и душевно.

История, не признаваемая (де)конструкционистами, дает эффект социально перераспределяемой реальности, которая пребывает в языке, идеологии и ритуально-коммуникативном поведении членов общества. Социологи как производители культурных текстов замешены в представлении (и, таким образом, в производстве) этих слов власти и доминирования.

Постмодернистская критика в «Криминологических замещениях» отвергает центральный канон *Науки*. Архимед возможно сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир». С момента “озарения” некоторой идеей наука предлагает себя как точку опоры вне истории, на которую могут твердо встать посланцы человечества, используя рычаг научной практики для смещения Земли. Развитие науки и ее борьба с религией на англосаксонском Западе была борьбой между способами мышления, доминирующими в социальной жизни.

Мир, который сейчас модно называть “постмодерн”, – это тот же модернистский проект, преследующий бесконечное расширение человеческого потенциала через применение технорациональных систем в промышленности, экономике и политике, проект, оказавшийся на мели собственных противоречий. Следствие этого – появление различных “постмодернистских” форм интеллектуальной практики включая деконструкцию в рамках литературной критики, искусства и социальных наук. Но есть и другие признаки конца гегемонии модернизма.

Социально-конструкционистские теории социальных проблем сами являются предвестниками упадка модернистского проекта в социологии, так как они бросают вызов канону прозрачной социальной реальности. Предпочитая “лозунги” “условиям”, они подвергают сомнению основания эмпирической социальной науки. Мир в теориях социального конструкционизма сводится к сознанию, что угрожает растворению социологического проекта в плюрализме частной интуиции. Отрицая возможность архимедовой точки опоры, но не предлагая никакой альтернативы, конструкционистские теории социальных проблем провоцируют постепенный отказ от активной борьбы за изменение мира.

Ибарра и Китсьюз попытались освободить конструкционизм от беспорядка плюралистических интуиций ссылкой на новую архимедову точку – на беспристрастную риторическую деконструкцию, то есть они предложили новую парадигму анализа социальных проблем. Как только аналитики социальных проблем согласятся, что инструменты риторического анализа сами стоят вне истории и независимы от анализируемого мира, архимедова точка будет восстановлена.

Ритуальная деконструкция как ранняя форма социального конструктивизма понимается также как крайний вариант отрицания возможности того, что конкретный мир может быть изучен, подвергнут критике и сознательно изменен социальными деятелями. Однако я хочу показать, что эта критика неправильно понимает проект и практику ритуальной деконструкции.

Кризис современности

В развитом мире по-современному выглядит борьба трех направлений в области познания: премодерна (религия/магия), модерна (наука/технология), постмодерна (деконструкция/сюрреализм). Подобно большому кораблю, севшему на мель, модернистский проект с его уверенностью в позитивистской науке остается для многих наиболее устойчивой, внушающей доверие системой поддержания жизнедеятельности. Относительно немногие готовы отвергнуть модернизм ради поиска новых берегов в жизненных лодках религии или так называемых практик постмодернизма. Однако у модернизма практически нет будущего...

До второй половины XX в. социальные науки подходили к истории как к более или менее преднамеренному проекту сознательно действующих людей. Уверенность в этом была поставлена под сомнение французскими структуралистами в 1960-е гг. Французский антрополог Клод Леви-Строс в частности оспаривал позитивистское видение истории как прозрачной действительности, доказывая, что любые попытки понимать историю как проект сознательных субъектов игнорируют роль лингвистических и культурных систем тогда, когда имеет место человеческое действие. Эти системы существуют независимо от индивидуально действующих лиц и служат конституированию их субъективности. Таким образом, исторические формы или несоизмеримы, что делает “историю” невозможной вообще, или они интерпретируются через культурные проекты настоящего, что скрывает специфику конкретных исторических моментов и их культурных форм.

С точки зрения структуралистов, человеческие субъекты становятся не производителями значений, а их пленниками. Освобождению субъекта из этой теоретической тюрьмы способствуют теории “постструктурализма” и феминистские теории.

Феминисты выдвигают на передний план проект понимания процесса половой идентификации. Многие идеи они почерпнули в работах Жака Лакана, французского психоаналитика. У Лакана процесс половой идентификации описан в категориях структурной лингвистики. Разрешение эдипова комплекса требует подчинения индивидуального начала правилам символического порядка, что является условием коммуникабельности и удовлетворения желаний. Но необходимым компонентом этого подчинения является также подавление истинных форм желания и исключение их из сознания и речи субъекта, их перевод в социально приемлемые разговорные акты.

Вместе с тем, подавленное желание продолжает существовать независимо от способов его удовлетворения, предлагаемых культурой, и поэтому оно может быть вскрыто с помощью осторожной деконструкции сознательной речи и несознательных выражений субъекта. Субъект может компенсировать высвобождение своего подавленного желания исследованием

сознательного разума и мира, то есть восстановив его в уме и по-новому интерпретируя символическое выражение этого желания.

Деконструктивные механизмы «Криминологических замещений» отражают взгляды Лакана в отношении того, почему сознательная жизнь индивидов не служит объяснением человеческого поведения. Видеотекст перемещает лакановское понимание из области психоанализа в область социоанализа, стремясь возратить сознательную интерпретацию подавленного желания с помощью социальной науки. Делается попытка сокрушить вездесущий культурный “белый шум” – источник подавления. Через коллаж и сюрреалистические методы постмодернистской деконструкции видеотекст пытается охватить зрителя зеркальным образом доминирующего культурного “белого шума”.

Любовь в мире постмодерна представлена как контроль, знакомые образы предлагаются в альтернативных и более зловещих ролях. Метафоры «Криминологических замещений» борются за уничтожение волн образов, излучаемых наиболее привилегированными секторами культуры, превращая их организованность в беспорядок, создавая новую тишину, в которой подавленное желание социальной науки может быть услышано. Это не должно восприниматься как идея служения угнетенным, методы деконструкции преследуют именно возвращение подавленного.

Видеотекст пытается дать голос тому, что подавлено в душе социальных ученых. Предполагается, что исследователи социальных проблем, в частности те, кто изучает девиантность и преступность, озабочены вопросом, не пытаются ли они проклассифицировать, подсчитать и проконтролировать то, что подавляют в себе и, таким образом, ненавидят в “другом” – в особенности потому, что “другие” наслаждаются тем, чем они (исследователи) не могут наслаждаться, и что они в своей подавленности будут отрицать для всех других.

Социальные ученые в основном не обладают контролем над своими жизнями. Многие значимые аспекты их жизни кажутся заложниками неподконтрольной им силы. Работа социальных ученых по подсчету, классификации и, потенциально, контролю девиантов, преступников, бедности, необразованности, безработицы, множества социально слабых групп создает лишь иллюзию их власти. Те, кто практикует науку соответствующим образом и делает это технически грамотно, иногда может даже получить доступ к процессу принятия решений, к тем, кто обладает властью. Статьи в “главных” журналах, место в престижных университетах, роль в региональных... или даже федеральных комиссиях – все это возможные награды за участие в соответствующей практике конвенциональной социологии. Доступ в этот элитный клуб просто требует превращения страданий обычных людей в абстракции, графики, коэффициенты. Это и есть замещение, на котором фокусируются «Криминологические замещения» через деконструкцию образов порядка.

Следуя началу: заключение

Практики ритуального (де)конструктивизма, такие, как «Криминологические замещения», представляют собой первый уровень в реконструкции политической практики человеческого освобождения. Первый уровень – потому, что они служат критикой власти господствующего дискурса и образов, выставляя на показ этот дискурс и заставляя его говорить то, что он скрывал, чего он не знал о себе.

Ритуальная (де)конструкция «Криминологических замещений» предлагает метод раскрытия силы господствующего дискурса и образов, также описывая формы политической практики. Те, кто заинтересован в развитии действенной альтернативы исследованиям социальных проблем, должны политически действовать телесно так же, как и умами, солидарно с теми, кто является жертвами установленной власти и с теми, кто жаждет изменения, утоляющего боль, уменьшающего эксплуатацию и страдания человеческих тел. Это требует развития теории и исследования причин политико-экономических и социокультурных источников социальной несправедливости, а также выдвижения на передний план связей между этими силами.

Новая политика дискурса, представленная в практиках ритуальной деконструкции, может быть необходима в целях демонстрации предзаданного садизма большинства академических исследований социальных проблем. Она может побудить некоторых практиков-исследователей проверить отношение между их работой и существующими системами культурного господства.